

На абордажъ.

Въ дежурной комнатѣ неранжированной роты, на клеенчатомъ диванѣ, въ полной формѣ, сидѣлъ дежурный офицеръ. Передъ нимъ на столѣ стоялъ высокій киверъ съ чернымъ буйволовымъ султаномъ и плетеными кутасами.

Офицеръ читалъ романъ Дюма „Монтекристо“ и, несмотря на то, что его очень занимало повѣствованіе талантливаго французскаго писателя, время отъ времени прислушивался къ шуму, который шелъ изъ рекреационной залы, гдѣ оставшіеся на воскресный день воспитанники играли въ „казаки-разбойники“ и другія подвижныя игры. Офицеръ часто выходилъ изъ комнаты и прохаживался между играющими.

Это былъ недавно зачисленный въ Энскій Кадетскій Корпусъ герой Севастопольской кампаніи, во время которой, на какомъ-то бастіонѣ, онъ былъ раненъ осколкомъ разорвавшейся бомбы въ мякоть задней части, вслѣдствіе чего онъ ходилъ „ковыляя“.

Это былъ храбрѣйшій и добрѣйшей души человекъ, но безъ смѣха на него нельзя было смотрѣть. Маленькаго роста, съ рыжими взъерошенными волосами на головѣ, въ веснушкахъ, съ оттопыренными ушами и немного косыми глазами, при его ковыляніи, онъ видомъ своимъ вызывалъ невольный смѣхъ у каждаго видѣвшаго его въ первый разъ.

Такъ вотъ этотъ-то офицеръ, страстно полюбившій за время обороны вылазки и восхищавшійся подвигами пластуновъ и самъ участвовавшій не разъ въ ихъ отважныхъ походахъ, не могъ еще привыкнуть къ монотонному режиму казеннаго заведенія и въ день своего дежурства изобрѣталъ для своего и кадетскаго развлеченія разные, какъ онъ называлъ, „фортели“. Въ настоящее время онъ углубился въ чтеніе и жадно слѣдилъ за рассказомъ заключеннаго монаха, который рассказывалъ о скрытыхъ сокровищахъ, и нервно перебиралъ въ карманѣ своихъ брюкъ тощій кошелекъ, въ которомъ лежало нѣсколько мелочи.

Между тѣмъ набѣгавшіеся мальчуганы усѣлись по уголкамъ зала на табуретахъ, а нѣкоторые, по двое, ходили обнявшись и „лясничили“ о „страшномъ“ или о „домашнемъ“. Вдругъ вокругъ всего зала, подбѣгая къ каждой группѣ, промчался шустрый смуглый крѣпышъ и пробѣгая вполголоса говорилъ: „Кто хочетъ на вылазку; ко мнѣ“. Вскорѣ около него собралось человѣкъ десять, и они стали бросать жребій. Пятерымъ достались билеты съ надписью „попасться“. Въ это время барабанъ пробилъ на молитву ко всеобщей.

Рота выстроилась во фронтъ и подъ предводительствомъ дежурнаго офицера и унтеръ-офицера, замыкавшаго фронтъ, стройно пошла въ корпусную церковь.

Ни дежурный офицеръ, ни унтеръ-офицеръ не подавали виду, что они замѣтили, что нѣкоторыхъ воспитанниковъ во фронтѣ не доставало.

Придя въ церковь и простоявъ четверть часа, офицеръ сталъ какъ бы пересчитывать приведенныхъ воспитанниковъ и затѣмъ, обращаясь къ унтеръ-офицеру, сказалъ: „А вѣдь у насъ недостаетъ нѣсколькихъ. Вы тутъ присмотрите за порядкомъ, а и пойду ихъ поищу“.

Спустившись внизъ, онъ взялъ изъ служительской нѣсколько барабанщиковъ и отправился по длинному корридору, ведущему въ столовый залъ.

Въ этомъ залѣ, поперекъ, у задней стѣны, стояла громадная модель фрегата, занимавшая почти всю ширину комнаты, и вотъ къ этому-то пункту и направлялась охотничья команда подъ предводительствомъ офицера. Чѣмъ ближе подходили къ дверямъ зала, тѣмъ шагъ офицера дѣлался осторожнѣе и къ самой двери онъ подкрадывался, какъ индѣецъ, по рассказамъ Майнъ-Рида.

Войдя въ залъ, онъ разставилъ свою команду въ линію, а самъ

всталъ въ средину и кошачьими шагами, дѣлая знаки служителямъ, крался къ модели по столовому залу, освѣщенному единственной тускло горѣвшею масляною лампою.

Но помѣстившіеся въ пустой модели не зѣвали. Завязавъ около шеи два конца носового платка и перекинувъ съ затылка на лицо другой конецъ платка, т. е. сдѣлавъ „фурку“, шалуны, съ крикомъ „на абардажъ!“ полѣзли по скользкимъ отполированнымъ бортамъ модели, цѣпляясь за деревянные заклепки (и нынѣ употребляемыя), и мигомъ выскакивали на просторъ обширнаго зала. Начинаясь травля, но конечно шустрые мальчуганы безъ труда прошмыгивали между барабанщиками, и только тѣ, которымъ выпалъ жребій, какъ бы нечаянно, наталкивались поочередно на офицера, и онъ съ торжествомъ ихъ улавливалъ, сдавалъ ближайшему барабанщику, и переловивъ отдавшихся, съ триумфомъ возвращался въ церковь; а пойманныхъ отправлялъ подъ конвоемъ въ карцеръ.

Карцеромъ служилъ „старый арсеналь“, въ которомъ лежали запасные матрацы, одѣяла и т. п. Шалуны сейчасъ же размѣщались на тюфякахъ и засыпали вплоть до прихода роты отъ ужина, хорошо зная, что за голенищами товарищей будетъ имъ вынесено въ изобиліи хлѣба, гречневой каши или картофеля.

Распустивъ фронтъ, дежурный офицеръ входилъ въ комнату, примыкающую къ карцеру, изъ котораго дверь, съ фрамужнымъ окномъ безъ переплета и стеколъ, вела въ дежурную комнату. Войдя въ комнату и ослабивъ нѣсколько бандажеръ, на которомъ висѣлъ палашъ, онъ сѣлъ на диванъ и крикнулъ: „Никитка!“ Никитка, малый лѣтъ шестидесяти, мрачнаго вида, съ серебряной серьгой въ одномъ ухѣ, крѣпостной дворовый человѣкъ офицера, мигомъ явился съ подносомъ, на которомъ стояли чайныя принадлежности и въ корзинкѣ для булокъ лежало много 3-хъ копѣчныхъ саяекъ.

Офицеръ налилъ себѣ стаканъ чая, съѣлъ сайку и затѣмъ какъ бы вспомнивъ очень важное, требующее его присутствія, вышелъ изъ комнаты.

Какъ только затихли его шаги, то изъ дверной фрамуги съ ловкостію акробатовъ стали выпрыгивать арестованные, и одинъ изъ нихъ сталъ считать сайки, лежавшія на подносѣ. Оказывалось саяекъ столько же, сколько было и арестованныхъ. Захвативъ по штукѣ, шалуны скрылись за фрамугою.

Черезъ нѣсколько минутъ приходилъ офицеръ, наливалъ себѣ второй стаканъ чая и, улыбаясь, поглядывалъ на дверь карцера.

Выпивъ стаканъ чая, онъ, вставъ и отворивъ дверь въ карцеръ, громко и какъ бы сердито сказалъ: „Ну! выходите, школяры, да другой разъ не попадайтесь!“ Выпущенные мигомъ разбѣгались и соединялись съ тѣми изъ товарищей, которые участвовали въ вылазкѣ. Происходилъ дѣлежъ. Сайки дѣлились поровну, а изъ-за голенищъ вываливалась на тетрадки чистописанія всякая снѣдь, принесенная съ ужина.

Д. Перскій.

